

Пройдя съ четверть версты по теченію ручейка, я подошелъ къ каменной громадѣ, подходившей съ сѣверо-востока и замыкавшей въ себѣ узкую горную уади. Какъ узкая трещина, въ стѣнѣ чернѣлось ущелье; его мрачныя, словно прорубленные, скалы расходились, казалось, только внизу, чтобы образовать ложбинку для ручейка, да на верху, чтобы пропустить снопъ серебряныхъ лучей въ мрачную тѣснину.

Все ущелье было загромождено камнями, разбросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ, и въ каменной стѣнѣ тѣсины, и на пути извивающагося змѣйкою ручейка. Когда я вступилъ въ эту горную трещину, когда охватили меня отовсюду каменные стѣны въ свои холодныя объятія, — какъ-то грустно защемило сердце; мнѣ показалось, что я изъ вольнаго простора сіяющей пустыни попалъ въ темницу, изъ трепещущаго, пронизаннаго фантастическимъ свѣтомъ, воздуха — въ какую-то мрачную, давящую своею неподвижностью атмосферу. Настоящамъ входомъ въ Дантовъ адъ мнѣ казалось это дикое ущелье, которое Абдъ-Алла поэтически прозвалъ почему-то сердцемъ дьявола — кхольбиэль-шайтанъ.

Гіена, почувявъ приближеніе человѣка, быстро начала удаляться; ея вой уже слышался все выше и выше и вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше и дальше, такъ что два мои выстрѣла, пронесшіеся съ грохотомъ по ущелью и отдавшіеся по нѣскольку разъ въ горныхъ дебряхъ, служили скорѣе указаніемъ несносному животному, чѣмъ дѣйствительною угрозою. Послѣ выстрѣла совсѣмъ замолкъ марафилъ и саахръ — волшебникъ, испугавшійся не столько гнѣва пророка и заклинанія съ талисманами Абдъ-Аллы, сколько выстрѣловъ берданки, которые дѣйствительно были очень эффектны въ мертвой тишинѣ ночи въ горномъ ущельѣ. Даже мрачный худхудъ, другъ афритовъ, до сихъ поръ, несмотря на всѣ проклятія и самыя ужасныя пожеланія арабовъ, продолжавшій сзывать духовъ пустыни, замолкъ послѣ двухъ выстрѣловъ, потрясшихъ всю окрестность. Простякъ Рашидъ, восхищенный эффектомъ берданки, все-таки утверждалъ, что, вѣроятно, сами африты спрятались по своимъ норамъ и ущельямъ, если они прогуливались вблизи, слышавъ ружье москова, не испугавшагося ихъ близкаго присутствія.

Настоящимъ побѣдителемъ я вернулся въ нашъ лагерь.

— Аллахъ-арханкулъ, эффенди (Господь тебя помиловаль господинъ)! Машаллахъ (да будетъ восхваленъ Богъ)! — встрѣтили меня при моемъ возвращеніи.

— Субхану-ву-талә (Ему честь и слава)! — отвѣчалъ я,